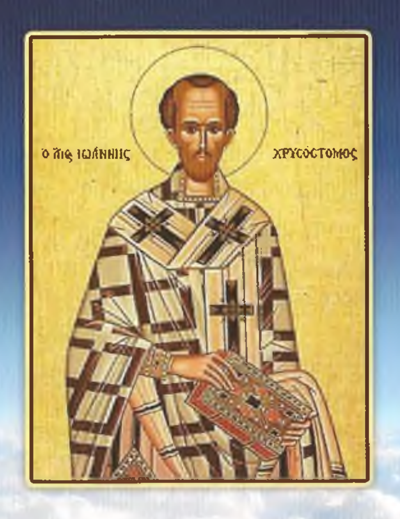
ДУХОВНАЯ БИБЛИОТЕКА

СВЯТИТЕЛЬ

ИОАНН ЗЛАТОУСТ

О ПУТЯХ ПОКАЯНИЯ

По творениям

святителя
Иоанна Златоуста

О ПУТЯХ ПОКАЯНИЯ

Православное братство
святого апостола Иоанна Богослова
Москва · 2010

УДК 276
ББК 86.372
И75

ИС 10-11-0831

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

О путях покаяния.

И75 Составлено по творениям святителя Иоанна Златоуста. – М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. – 48 с. – (Серия «Духовная библиотека»).

УДК 276
ББК 86.372

ISBN 978-5-89424-053-4

О путях покаяния

Хотите, скажу о путях покаяния? Они многочисленны, разнообразны и различны, и все ведут к небу. Первый путь покаяния – это осуждение грехов: *говори ты, чтобы оправдаться* (Ис. 43, 26). Поэтому и пророк говорил: *я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего... и Ты снял с меня вину греха моего* (Пс. 31, 5). Итак, осуди и ты грехи свои: этого достаточно для Господа к твоему оправданию, потому что осудивший грехи свои не так скоро решится опять впасть в них. Пробуди внутри у себя обличителя – твою совесть, чтобы там, на судилище Господнем, не иметь тебе обличителя. Вот один путь покаяния, прекраснейший!

Есть и другой, не хуже этого, состоящий в том, чтобы не помнить зла, сдержи-

вать гнев, прощать грехи другим, потому что в таком случае простятся нам и наши грехи против Господа. Вот и второе средство очиститься от грехов! *Если вы будете прощать людям согрешения их,* говорит Господь, *то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14).

Хочешь знать и третий путь покаяния? Это пламенная и усердная молитва, идущая из самой глубины сердца. Не читал ли ты, как вдовица умилостивила жестокого судью (см. Лк. 18, 3)? А у тебя Владыка кроткий, снисходительный и человеколюбивый! Она просила о защите от врагов, а ты просишь не против врагов, но о своем спасении.

Если же хочешь знать и четвертый путь покаяния, то назову милостыню: она имеет великую и несказанную силу. И царю Навуходоносору, который совершал всякого рода грех и всякое нечестие, пророк Даниил говорит: *царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24). Что может сравниться с этим человеколюбием? После бесчисленных грехов, после стольких беззаконий грешнику обещается прощение, если он будет человеколюбив.

Также скромность и смиренномудрие не менее всех сказанных средств уничтожают грехи, свидетель тому — мытарь, который не мог указать на свои добрые дела, но вместо них проявил смирение — и снял с себя тяжкое бремя грехов (см. Лк. 18, 13).

Вот мы показали пять путей покаяния: первый — осуждение своих грехов, второй — прощение грехов ближним, третий — состоящий в молитве, четвертый — в милостыне, пятый — в смиренномудрии. Итак, не оставайся в праздности, но каждый день проходи по всем этим путям, потому что и пути удобные, и ты не можешь отговориться бедностью. Нет, если даже живешь ты беднее всех, можешь и укротить свой гнев, и смириться, и помолиться усердно, и осудить свои грехи — словом, бедность ни в чем этом не служит помехой. И что я говорю об этом, когда и на том пути покаяния, на котором нужно тратить деньги (я говорю о милостыне), — и там бедность нисколько не препятствует нам исполнить заповедь? Это показала вдовица, положившая две лепты (см. Мк. 12, 42). Итак, узнав способ врачевания наших душевных ран, будем постоянно употреблять эти лекарства, чтобы,

восстановив в себе истинное здоровье души, вкусить нам с дерзновением священной Трапезы в таинстве Причащения и встретить с великой славой Царя славы — Христа, и получить вечные блага Его благодатью...

Что вредит покаянию

Никто ничего не может делать с усердием, если не будет убежден, что это дело принесет пользу. Так сеятель после посева семян, если не будет ожидать жатвы, никогда не будет и жать. Разве кто стал бы трудиться напрасно, не надеясь получить ничего доброго от своего труда? Так и сеющий слова, слезы и исповедание грехов, если делает это без доброй надежды, не может отстать от грехов как еще одержимый пороком отчаяния; но как земледелец, отчаявшийся в произрастании плодов, уже не станет препятствовать тому, что наносит вред семенам, — так и совершающий исповедь в грехах, но не ожидающий от нее никакой пользы не будет в состоянии отклонить того, что вредит

покаянию. А вредит покаянию пребывание в одних и тех же грехах. *Когда один строит, а другой разрушает, то что они получат для себя кроме утомления? Когда кто омывается от осквернения мертвым и опять прикасается к нему, какая польза от его омовения? Так человек, который постится за грехи свои и опять идет и делает то же самое: кто услышит молитву его?*(Сир. 34. 23, 25–26). И еще: *если кто обращается от праведности ко греху, Господь уготовит того на меч* (Сир. 26, 26). И: *как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою* (Притч. 26, 11).

Итак, объявляй грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как обязанный измениться посредством покаяния, и тогда ты будешь в состоянии побудить душу не впадать более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником свойственно и неверующим. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хотя не с должной целью. Потому я и не назову это исповеданием, что они объявляют грехи свои не

с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не для того, чтобы переменить жизнь, но одни из них делают это с тем, чтобы откровенностью своих слов получить славу у слушающих. Иные, вследствие сильного отчаяния впав в ожесточение, с крайним бесстыдством объявляют всем собственные пороки как чужие.

Но я желаю, чтобы ты не принадлежал к числу их, чтобы приступал к исповеданию не с отчаяния, но с благою надеждою и, с корнем вырвав отчаяние, оказал противоположное ему усердие. Что же служит корнем отчаяния? Беспечность. Ибо, как в шерсти порча рождает червей и обратно сама умножается от них, так и здесь беспечность рождает отчаяние и сама обратно питается отчаянием, и, таким образом оказывая друг другу это проклятое содействие, они возрастают в силе. Поэтому кто искоренит одно из этих зол, тот будет в состоянии легко победить и остальное: кто не предается беспечности, тот не впадает и в отчаяние; кто питается благими надеждами и не отчаивается, тот не может впасть и в беспечность. Расторгни же эту чету и сокруши различные тяжкие помыслы. Какие же? Случается, что иной, покаяв-

шись, совершит многие добрые дела и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто созданное разрушено и все труды его были напрасны.

Но нужно вникнуть в это и отогнать тот помысел, будто если мы не успеем впрок запастись добрыми делами в мере, равной совершенным после них грехам, то ничто не удержит нас от полного падения. Напротив, добрые дела — это как бы крепкие латы, которые не дают острой и губительной стреле сделать свое дело, но, будучи сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Поэтому отходящий в иной мир со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании, и тамошних муках; а кто, не имея добрых дел, принесет только злые, тот несказанно пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их послужат ко спасению; но если первые перевесят, то увлекут его в геенский огонь. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и слово Божие. Ибо Сам Господь говорит:

Сын Человеческий... воздаст каждому по делам его (Мф. 16, 27).

И не только в геенне, но и в самом Царствии находится множество различий: *в доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 2), и: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд* (1 Кор. 11, 41). И удивительно ли, что апостол, сделав различие между этими светилами, говорит, что и там будет такое же различие, как между одною звездой и другой? Зная всё это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать рядом с солнцем или луною, то не будем пренебрегать местом среди звезд. Если мы не можем совершить великих дел, важно нам не оказаться и без малых: это — крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так тоже и с богатством духовным. Господь не оставляет без награды и малого доброго дела, и нелепо было бы нам только потому, что не имеем великих дел, не заботиться и о совершении малых.

Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет готовность и к ве-

личайшим, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние; чтобы не было этого, Христос и за малое добро назначил великие награды. Что может быть легче, чем посещать болящих? Однако и за это Он воздаст великую награду.

Итак, стремись к вечной жизни, радуйся о Господе и молись Ему; возьми опять благое иго (см. Мф. 11, 28–30), подклонись под легкое бремя, приложи к началу достойный его конец; не попусти погибнуть такому богатству. Но если ты станешь и впредь раздражать Бога своими делами, то погубишь себя. Обо всем этом размыслив, стряхни с себя пыль, встань с земли, и ты будешь страшен лукавому. Он поверг тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидит тебя с поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностью, потеряет охоту опять бороться с тобою, а ты сам будешь впредь безопаснее от получения подобной раны. Поистине, если чужие несчастия способны вразумлять нас, то тем более те, которые мы потерпели сами.

Память о своих грехах

Мы потому забываем о необходимости творить добро, что и благополучием пользуемся неумеренно, и, называя себя грешниками, говорим это неискренно. Это видно из того, что, когда услышим такое слово о себе от других, сердимся и раздражаемся и называем это обидою. Так во всем у нас лицемерие, и мы не подражаем мытарю, который, когда другой укорял его во множестве грехов, перенес эти укоризны и получил плод от дел своих – *пошел оправданным более* фарисея (Лк. 18, 14); а мы не знаем даже, что такое исповедь, хотя исполнены бесчисленных грехов. Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные. Тогда мы и смирили бы гордость души своей, непрестанно напоминая ей о своих пороках. Память о своих грехах есть такое благо, что апостол Павел часто выставлял на вид даже исповеданные грехи свои. Так как все прежние грехи он омыл крещением, а потом жил так чисто, что не сознавал за собою ничего и не имел гре-

хов, о которых бы надлежало вздыхать, то вспоминал о грехах, омытых уже крещением, и говорил: *Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1, 15); и еще: *Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель* (ст. 12, 13), *я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее* (Гал. 1, 13); и еще: *недостоин называться апостолом* (1 Кор. 15, 9). Такие грехи, хотя и освобождают нас от виновности, однако могут пробудить душу и расположить ее возлюбить Бога. Так и Симон, на вопрос Господа, *который* из двух должников *более возлюбит* заимодавца, сказав: *тот, которому более простил,* услышал: *правильно ты рассудил* (Лк. 7, 42–43).

Когда мы помыслим о множестве прежних грехов своих, тогда познаем чрезмерность милости Божией, тогда преклоним голову, тогда смиримся, потому что чем более тяжки грехи, в которых мы виновны, тем более мы будем сокрушаться. Так, Павел вспоминал и о прежних грехах своих, а мы не хотим вспоминать и о сделанных нами после крещения, угрожающих опасностью и подвергающих нас ответственности за них; но если и

придет у нас мысль о каком-либо таком грехе, мы тотчас устраняем ее и не хотим опечалить душу воспоминанием о нем и на краткое время. А от этой бесполезной жалости к себе происходит для нас множество зол, потому что, находясь в таком состоянии самодовольства и изнеженности, мы не можем и исповедаться в прежних грехах своих (как это возможно, когда мы приучаем себя не допускать и воспоминания о них?), и легко впадаем в последующие.

Если у нас всегда жива эта память о грехах и душу беспокоит страх, то тогда можно искоренить ее изнеженность и беспечность. Но если снимешь с души и эту узду, то кто удержит ее и не даст нестись безбоязненно по волнам страстей и упасть в бездну погибели? Поэтому праведный Давид и представлял себе будущее наказание, поэтому плакал, поэтому воздыхал, и притом весьма сильно! Им, великим людям, для сокрушения достаточно воспоминать о благодеяниях Божьих, не помнить о своих доблестях, с великим усердием вникать, не случилось ли когда им сделать какой-нибудь малый грех, взирать на великих и весьма благоугодивших Богу мужей; после всего

этого размышлять о неизвестности будущего, о склонности людей к падению и греху, чего боялся и Павел, и потому говорил: *усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9, 12). Так и Давид о всем этом помышлял в самом себе, и, рассуждая о благодеяниях Божиих, говорил: *что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его* (Пс. 8, 5–6). А о добрых делах своих забывал так, что, живя на редкость благочестиво, сказал: *кто я, Господи мой, Господи, что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил! И этого еще мало показалось в очах Твоих, Господи мой, Господи; но Ты возвестил еще о доме раба Твоего вдаль. Это уже по-человечески. Господи мой, Господи! Что еще может сказать тебе Давид?* (2 Цар. 7, 18–20). Часто помышляя о добродетелях предков, он почитал себя за ничто в сравнении с ними. Так, сказав: *на Тебя уповали отцы наши,* о себе прибавил: *я же червь, а не человек* (Пс. 21, 5, 7). И неизвестность будущего имел он пред глазами, так что говорил: *Просвети очи мои, да не усну я*

сном смертным (Пс. 12, 4). А себя считал виновным в столь многих грехах, что говорил: *прости согрешение мое, ибо велико оно* (Пс. 24, 11). Итак, им, великим людям, достаточно и этого; а у нас и при этих врачевствах остается еще достаточное основание к истреблению гордости и всякого высокомерия. Какое же это основание? Множество грехов и злая совесть: когда она овладеет нами, то не допускает нас к Богу и при желании нашем подниматься на высоту.

Не обвиняй в собственных грехах Бога

Как безумно поведение тех, которые, не желая делать ничего доброго, придумывают и говорят всё так, чтобы вину собственных грехов сложить на Бога! Если бы, говорят они, Бог не попустил, то диавол и не приступил бы и не прельстил сразу. Но тогда Адам и не узнал бы, какое имел он благо, и никогда не смирил бы своей гордости. Кто так высоко думал о себе, что надеялся быть богом, — на что

не дерзнул бы, если бы не был вразумлен? Предположим, что диавол не внушил бы ничего Еве и ни слова не сказал бы ей о дереве познания добро и зла, — неужели в таком случае прародители не пали бы никогда? Нельзя этого сказать. Кто так легко послушался жены, тот и без диавола, сам по себе, скоро впал бы в грех, за что подвергся бы еще большему наказанию. Притом не одно обольщение диавола было причиною всего зла, но жена увлеклась и собственною похотью — и пала. На это указало и Писание, сказав: *И видела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плод его и ела* (Быт. 3, 6). Говорю это теперь не с тем, чтобы освободить диавола от обвинений в коварстве, но чтобы показать, что если бы первые люди не пали добровольно, то никто не заставил бы их пасть. Кто так легко принял обольщение от другого, тот и прежде обольщения был беспечен и невнимателен; и диавол не имел бы такого успеха, если бы вступил в разговор с душой бодрствующею и внимательною. Но есть люди, которые, когда их опровергнут с этой стороны, оставив диавола, обращаются

к заповеди и, не касаясь согрешившего человека, обвиняют Бога и говорят: для чего Он дал людям заповедь, когда знал, что они согрешат? И это — слова диавола и измышления ума нечестивого. Бог, дав заповедь, показал большее попечение о людях, нежели когда бы Он не дал ее; это видно из следующего. Положим, что Адам, которого воля была так беспечна, как показали последствия, не получил бы никакой заповеди и продолжал наслаждаться блаженством, — к худшему или к лучшему повели бы его беспечность и изнеженность от этих наслаждений? Для всякого очевидно, что он, ничем не озабоченный, дошел бы до крайней степени зла. Если он, еще не уверенный в бессмертии, только с сомнительной надеждой на него, дошел до такой гордости и безумия, что надеялся сделаться богом, хотя и видел, что обещавший ему это ни в каком отношении не заслуживает доверия, то до какого безумия не дошел бы он, если бы несомненно обладал бессмертием? Какого бы не сделал греха? Стал ли бы когда-нибудь повиноваться Богу?

Обвиняя Бога, ты поступаешь так, как те, которые стали бы винить запрещающего блудодеяние за то, что услышавшие

это запрещение станут блудодействовать. Не крайне ли безумны такие слова? Если бы к человеку, не получившему заповеди, диавол приступил с советом отступить от Бога, то легко склонил бы его в этом, потому что кто по получении заповеди презрел Давшего ее, тот, если вовсе ничего не слыхал от Него, скоро позабыл бы даже то, что он находится под властью Господа. Поэтому Бог Своею заповедью заранее научил его, что он имеет Господа, Которому во всем должен повиноваться. Но, скажут, какая польза произошла от этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это следовало бы ставить в вину не Богу, преподавшему наставление, а человеку, который не внял этому прекрасному внушению.

Между тем дарование заповеди не осталось бесполезным и после ее нарушения: и то, что первые люди скрылись, и исповедали грех, и старались сложить вину преступления муж на жену, а жена на змея, — всё это показывает, что они убоялись, вострепетали и признали над собою власть Божию. А как полезно было от сатанинской надежды быть богами перейти к такому страху, это понятно для всякого. Тот, кто мечтал о равенстве с Богом,

так смирил и унизил себя, что боится наказания и мучения и признается в грехе своем! Не бессознательно грешить, а скоро замечать и сознавать грех свой есть дело весьма важное — это начало и путь, ведущий к исправлению и перемене к лучшему.

Во всём будем истреблять начало грехов

Извергнем из души то, что кажется безразличным, но рождает грехи. Из наших действий одни — это грехи, а другие не грехи, но бывают причиной грехов: например, смех по природе не грех, но он бывает грехом, если бывает чрезмерным, потому что от смеха происходит насмешливость, от насмешливости — срамословие, от срамословия — постыдные дела, а за постыдными делами — наказание и мучение. Уничтожь прежде корень, чтобы излечить всю болезнь; если мы будем остерегаться безразличного, то никогда не впадем в запрещенное. Так, для многих кажется безразличным смотреть на жен-

щин; но от этого рождается бесстыдное вожделение, из вожделения — блуд, а от блуда опять — наказание и мучение. Так и роскошь, казалось бы, ничего не представляет страшного, но отсюда — пьянство и бесчисленное множество зол, сопряженных с пьянством. Итак, во всем будем истреблять начало грехов. Для этого вы получаете непрестанные наставления каждый день; для этого мы семь дней подряд собираемся, предлагая вам духовную трапезу, давая вам вкушать от божественных изречений, приготовляя вас каждый день к борьбе, вооружая вас против диавола, так как ныне он свирепее нападает: чем больше дар, тем больше и борьба. Если диавол не потерпел, видев одного Адама в раю, то как, скажи мне, потерпит он, видя столь многих на небе? Ты раздражил зверя, но не бойся; ты получил большую силу, изощренный меч — им поражай змея. Для того Бог и попустил ему рассвирепеть против тебя, чтобы ты на самом опыте узнал могущество силы твоей. Как превосходный учитель военного искусства, взяв какого-нибудь воина нечистого, бессильного и находившегося в пренебрежении и обучив его и укрепив тело его, не позволяет ему потом оставать-

ся в бездействии, но повелевает выйти на подвиги, чтобы показать на опыте, какая дана ему сила, — так сделал и Христос. Он мог уничтожить лукавого врага твоего спасения; но чтобы ты познал превосходство благодати, величие духовной силы, которую ты получил в крещении, Он попускает ему вступать с тобою в борьбу, готовя твою душу к вхождению в Царствие Небесное.

О грехе и спасении от него

Если грех не будет остановлен в самом начале, то подобно огню, охватившему дрова, поднимется на несказанную высоту. Видишь, что и разделение народов было делом великого человеколюбия? Бог лишил людей единого языка и разделил их, чтобы они не впали в большее нечестие. Итак, храните это в памяти, и да будет у вас всегда твердой и непоколебимой мысль, что Бог благ и человеколюбив, не только когда благотворит, но и когда наказывает, потому что и наказания Его составляют величайший удел благо-

деяния, важнейший вид промышления. Итак, когда увидишь, что случились неурожаи, и болезни, и засухи, и наводнения, или другой подобный бич человеческой природы, то не изъявляй досады и негодования, но поклонись Творцу, подивись Его попечительности. Он делает это и наказывает тело, чтобы вразумить душу. И это, скажешь ты, Бог делает? Да, Бог делает это; и пусть предстанет здесь весь город, пусть вся вселенная, я не побоюсь сказать это. О, если бы у меня был голос сильнее трубы и мог я стать на высоком месте и пред всеми воскликнуть и засвидетельствовать, что Бог делает это! Не по безумию говорю это, но имею на своей стороне пророка, который со мною восклицает и говорит: *Бывает ли в городе бедствие*[1], *которое не Господь попустил бы?* (Ам. 3, 6). Но так как слово "зло" имеет два смысла, то я и хочу сообщить вам о них, чтобы вы, из-за двусмысленности названия перепутав сами предметы, не впали в богохульство.

Итак, есть зло — действительное зло: блуд, прелюбодеяние, страсть к приобретению и бесчисленное множество поро-

---

[1] Бедствие по-церковнославянски — зло.

ков, достойных крайнего осуждения и наказания. И есть другое зло — а лучше сказать, не есть, а называются злом голод, болезнь, смерть и тому подобное: всё это не может быть истинным злом — потому я и сказал, что это только называется злом. Почему же? Потому что, если бы всё это было злом, то не делалось бы для нас причиной благ, не обуздывало бы гордости, не искореняло бы беспечности, не возбуждало бы нас к усердию и не делало бы нас более внимательными к самим себе. Зло разумеется здесь то, которое нас вразумляет, приводит к мудрости, а не то, которое достойно проклятия и осуждения. Злом называется здесь страдание, причиняемое нам наказаниями, и называется так оно не по собственной его природе, но приспособительно к мнению людей. Так как мы привыкли называть злом не только воровство и прелюбодеяние, но и несчастья, то Бог назвал так страдание, применяясь к мнению людей. Так вот что означают слова пророка: *бывает ли в городе зло, которое не Господь попустил бы?* Это же выразил Бог и через Исаию: *Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия* (Ис. 45, 7), злом называя и здесь

бедствия. На это зло делает намек и Христос в Евангелии, когда говорит ученикам: *довольно для каждого дня своей заботы*[1] (Мф. 6, 34). Итак, из всего видно, что злом Бог называет здесь наказания и что эти наказания Сам Он насылает на нас, являя в них важнейший вид Своего Промысла. И врач не только тогда достоин благодарности, когда выводит больного в сады и луга, или в бани и купальни, или когда предлагает ему роскошный стол, но и когда заставляет его оставаться без пищи, мучит голодом и томит жаждой, когда приковывает к постели и дом делает темницей, занавешивает окна и лишает больного света, когда подвергает его и рассечению, и жжению, и предписывает горькие лекарства, — и тогда он тот же врач. Поэтому не странно ли — того, кто причиняет столько неприятностей, называть врачом, а Бога, если Он сделает одну такую неприятность, например наведет голод или смерть, хулить и не признавать Промыслителем вселенной? А Он-то один и есть истинный Врач душ и телес. Потому-то часто Он, проявляя Свою заботу о нашей при-

---

[1] *Довлеет дневи злоба его*, то есть огорчение, беспокойство.

роде, которая скачет от полноты веселья, а между тем одержима греховной горячкой, избавляет ее от болезней — бедностью, голодом, смертью и другими бедствиями, и иными, какими Сам знает, врачевствами. Бедного Он часто вразумляет голодом, а богатого и в изобилии живущего — опасностями, болезнями и преждевременными смертями, потому что Он изобретателен и имеет различные врачевства для нашего спасения.

Об обуздании страстей

Мы напрасно говорим, что не можем обуздывать страсти: мы можем, если пожелаем и попросим Бога о помощи в этом, а желать должны все. Скажи мне, почему ты не можешь преодолеть тщеславия, когда другие преодолевают, имея такую же душу, такое же тело, живя такой же жизнью? Помысли о Боге, подумай о высшей славе, противопоставь ей настоящее, и ты скоро отстанешь от тщеславия. Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она при-

носит бесчестие? Какая это слава, если она заставляет искать чести от низших и имеет в ней нужду? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славою от высших. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы от Бога. Возлюбив эту, ты будешь пренебрегать тою, увидишь, как она бесчестна; а пока не узнаешь этой — не увидишь, как та постыдна, как смешна. Подобно тому, как те, которые пленились женщиной злой и бесстыдной, и пока питают к ней любовь, не могут видеть ее безобразия, потому что страсть помрачает рассудок, — так и здесь, пока обладает нами эта страсть, мы не можем видеть, каково это зло. Но каким же образом, скажешь, мы можем освободиться от нее? Вспомни о тех, которые растратили множество имущества и не получили от того никакой пользы; вспомни об умерших, какой они наслаждались славой, и она оказалась непрочною, исчезла и рассеялась; пойми, что она есть одно только имя и не имеет в себе ничего существенного. В самом деле, скажи мне, что такое слава? Сделай какое-нибудь определение! Быть для всех, скажешь, предметом удивления? По праву или не по праву? Если не по праву, то это будет не удивление, а пори-

цание, лесть, клевета. Если по праву, то это невозможно, потому что народ не имеет правильных суждений, а приветствует тех, которые угождают его желаниям. Если угодно, посмотрите на тех, которые отдают свои силы и время блудницам, наездникам и плясунам. Но, скажешь, мы не о них говорим, а о честных, справедливых, могущих делать много доброго. Точно, если бы захотели, то делали бы много доброго; но ничего такого не делают. Кто сейчас, скажи мне, хвалит честного и справедливого? Бывает только наоборот. И что может быть отвратительнее такого праведника, если он, совершая какое-нибудь доброе дело, ожидает славы от толпы? Он делает то же, как если бы какой-нибудь искусный живописец, рисуя портрет царя, ожидал похвал от неопытных. С другой стороны, кто домогается славы от людей, тот скоро оставит дела добродетельные. Кто ожидает похвал, тот делает то, чего желают другие, а не то, чего он сам.

Что же делать я советовал бы вам? Стремиться познать Бога, делать всё благоугодное Ему и совершать добрые дела, не прилепляясь ни к чему человеческому. А пристрастие к земной славе вредит и посту, и молитве, и милостыне и

делает тщетными все наши добрые дела. Потому, чтобы не пострадать от этого, будем избегать тщеславия; будем иметь в виду только одно, — похвалу от Бога, одобрение от Него, прославление нашего общего Владыки, чтобы, прожив добродетельно земную жизнь, войти в Небесное Его Царствие.

Никакой грешник не должен отчаиваться

Никакой грешник не должен отчаиваться, равно как и добродетельный человек не должен предаваться беспечности. И пусть тот, кто считает себя праведным, не надеется на себя, так как может случиться, и очень часто случается, что какой-нибудь разбойник или блудница прежде него войдут в Царствие Небесное. Равно и грешник пусть не отчаивается: и ему еще возможно превзойти даже первых. Когда мы с пламенною любовью обращаемся к Богу, то Он не поминает прежних наших грехов. Бог — не как человек: Он не укоряет в том, что про-

шло, и когда мы раскаиваемся, не говорит нам: для чего вы столько времени удалялись от Меня? Но уже любит нас, когда мы приходим к Нему, если только приходим к Нему всем сердцем. Итак, соединимся с Господом пламенною любовью, *пригвоздим страху Его* сердца наши. Примеры подобного рода можно видеть не только в Новом, но и в Ветхом Завете. Кто был хуже Манассии? Но он смог умилостивить Бога. Кто был счастливее царя Соломона? Но он, предавшись беспечности, пал. Я могу даже показать и то и другое в одном лице, именно в лице Соломона: он был и добродетелен, и грешен. Кто был блаженнее Иуды? Но он стал предателем. Кто был хуже мытаря Матфея? Но он сделался евангелистом. Кто был более достоин сожаления, как не гонитель христиан Павел? Но он сделался апостолом. Кто был ревностнее Симона? Но и он стал несчастнее всех. Сколько можно видеть и других примеров подобных перемен, бывших и в древние времена, и ныне случающихся каждый день! Поэтому-то я говорю, что ни тот, кто играет на сцене, не должен отчаиваться, ни тот, кто остается верным сыном Церкви, не должен быть самонадеянным.

Господь говорит благочестивому: *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10, 12); а нечестивому: *разве, упав, не встают?* (Иер. 8, 4). И еще: *Укрепите ослабевшие руки и утвердите колена дрожащие* (Ис. 35, 3). *Бодрствуйте,* говорит Он опять благочестивым; а нечестивым: *встань, спящий, и воскресни из мертвых* (Еф. 5, 14). Одни должны хранить то, что имеют; другие должны приобретать то, чего не имеют. Одни должны сберечь свое здоровье, другие — излечиться от болезни, так как много страдают. Но многие и больные возвращают себе здоровье, и здоровые при беспечности впадают в болезнь. Поэтому Господь говорит одним: *вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5, 14); а другим: *хочешь ли быть здоров?.. встань, возьми постель твою и ходи* (там же, ст. 6, 8; Мф. 9, 6). И подлинно, грех — это не только тяжкий недуг расслабления, но еще и нечто более тяжелое, когда человек не только не делает ничего доброго, но делает еще злое. Впрочем, если ты, находясь в таком состоянии, если захочешь избавиться от греха, весь недуг твой пройдет. Хотя бы тридцать восемь лет ты страдал,

то если только пожелаешь быть здоровым, ничто не воспрепятствует. И ныне предстоит Христос и говорит: *встань и ходи!* Только пожелай встать, не отчаивайся. Ты не имеешь человека в помощь? Но имеешь Бога. Ты не имеешь, кто бы опустил тебя в купальню? Зато имеешь Того, Кто и не допустил тебя иметь нужду в купальне. Ты не имеешь, кто бы помог тебе? Но зато имеешь Того, Кто повелевает тебе исцелиться. А потому ты и не можешь теперь сказать: *когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня* (Ин. 5, 7). Если только захочешь сойти на источник, никто не воспрепятствует. Благодать не истощается и не оскудевает. Этот источник струится беспрестанно, и от полноты его мы можем исцелить и души, и тела наши. Итак, приступим же теперь. И Раав была блудницей, однако она спаслась; и разбойник был человекоубийцей, но и он поселился в обителях райских. Иуда, будучи с Учителем, погиб, а разбойник, будучи на кресте, сделался учеником. Итак, непостижимы пути Божии! Волхвы угодили Богу, мытарь сделался евангелистом, гонитель Бога — апостолом.

Представляй это и никогда не отчаивайся, но всегда надейся и ободряй само-

го себя. Спеши только скорее вступить на путь, ведущий на небеса, чтобы не закрыты были для тебя двери. Коротко время жизни, и труд невелик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него отрекаться. Если ты и не трудишься спасительным трудом покаяния и добродетели, всё равно ты должен трудиться в мире каким-то иным образом. Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели, спасающий душу, и труд для мира. В трудах житейских беспрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивые надежды, великое унижение, изнеможение души и тела, трата денег — а между тем плоды наших трудов далеко не равны нашим ожиданиям.

Напротив, труды добpоделания во спасение души не таковы. Эти труды совершаются в слабом и смертном теле, а награда воздается в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд непродолжителен, а награда вечной жизни беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного. Там можно не страшиться никакой перемены, никакого несчастья. А что бывает здесь, на земле? Что это за блага, которые непостоян-

ны, скоропреходящи, которые исчезают внезапно, а приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют и доставляют тебе радость еще во время подвигов твоих? Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тот, кто ведет жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествия из этой жизни утешается благодатью Божией, освобождаясь от всякого бесчестия, посмеяния, опасностей, обвинений и от всех других зол. Точно так же и все другие виды добродетели еще здесь, во временной жизни, доставляют нам награду. Итак, чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем избегать порока и стремиться к добродетели. Таким образом мы и здесь будем утешаться, и в будущей жизни удостоимся благ, которых все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков.

О превосходстве духовных благ над благами телесными

Блага духовные да будут предметом наших особенных забот. Почему? Потому что, когда есть блага духовные, не бывает никакого вреда от неимения благ телесных. А если нет их, то какая нам останется надежда, какое утешение? Потому о них всегда нужно молить Бога и их просить прежде, чем всего остального. О них молиться научил нас и Христос. И если мы вникнем в ту молитву, то не найдем в ней ничего плотского, но всё духовное. Даже и то немногое чувственное, о чем мы просим в ней, становится от образа прошения духовным. Уже и одно наставление не просить ничего более, как только *хлеба насущного*, то есть ежедневного, было бы знаком ума духовного и умудренного. Но смотри, что предшествует этому: *да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мф. 6, 9–10). Затем, сказав о том чувственном, о *хлебе насущном,* Христос сразу опять перешел к учению духовному, говоря: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (Мф. 6, 12).

Ничего не сказал о начальстве, ничего о богатстве, ничего о славе, ничего о власти, но включил в молитву всё, что клонится к пользе души, — ничего земного, но всё небесное. Итак, если нам заповедано воздерживаться от вещей житейских и временных, то как мы несчастны и жалки, когда просим у Бога того, что Он заповедал нам отвергать, а чего повелел просить, о том не будем иметь никакого попечения? Подлинно это значит пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаем успеха. Как же, скажешь, богатеют люди злые? Как неправедные, преступные, воры, грабители? Не Бог дарует им это, нет. Но как же Бог попускает? Как попускал некогда и богачу, соблюдая его для большего наказания. Вот послушай, что сказано ему: *чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк. 1, 25). Итак, чтобы и нам не услышать этого голоса — нам, которые суетно и безрассудно проводят жизнь и прилагают грехи ко грехам, — станем заботиться о приобретении истинного богатства и мудрости. Через это мы получим обещанные блага, которых и да

сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О воле Божией и воле человеческой

Если ты, предавшись сну и лености, не будешь стараться делать добро, а станешь только ссылаться на волю Божию, у тебя никогда не будет ничего доброго. Бог, как сказал я, никогда никого не ведет к Себе силою и принуждением — нет, Он хочет, чтобы все спаслись, но никого не принуждает, как и апостол Павел говорит: Бог *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4). Как же не все спасаются, если Он всем хочет спастись? Это оттого, что не всех воля следует за Его волей, а Он никого не принуждает. Так Христос говорит и Иерусалиму: *Иерусалим! Иерусалим!.. сколько раз хотел Я собрать чад твоих... и вы не захотели!*

Что же? *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. 13, 34–35). Видишь, что если Бог и хочет, но мы не предаемся воле Его, то остаемся в погибели? Бог, еще раз повторяю, готов спасти человека не принужденно, не против воли, но по доброй воле и расположению самого человека. Люди, хотят или не хотят рабы их, желают над ними быть господами и владычествовать, имея в виду не пользу рабов, но свою собственную выгоду; но Бог, не имея ни в чем недостатка и желая показать тебе, что не нуждается ни в чем нашем, требует нашего служения только для нашей же пользы и всё делает не по Своей нужде, но к нашему благу, если мы приступим к Нему добровольно, охотно и с признательностью. Тех же, которые не хотят и уклоняются, Он не принуждает, желая этим показать, что не Он должен благодарить нас за служение наше, а мы Его за Его господство. Итак, зная это и размышляя о человеколюбии Господа, будем вести жизнь свою, по возможности, соответственно Его благости, чтобы получить нам Царство Небесное, которого да достигнем все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа,

Ему же с Отцом и Святым Духом слава и держава ныне и присно и во веки веков.

О благодарности Богу

Преступно было бы, если бы мы, наслаждаясь благодеяниями Божиими, не стали бы помнить о Его благодати, поскольку эта память приносит нам великую пользу. Ведь не Ему что-либо нужно от нас, но нам всё дано от Него. Наша благодарность ничего Богу не прибавляет, зато нас приближает к Нему. Если мы, вспоминая о благодеянии людей, загораемся к ним большей любовью, то тем более, непрестанно вспоминая о благодеяниях к нам Господа, будем усердны к заповедям Его. Потому и апостол Павел говорит: *всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца* (Кол. 3, 15). Память о благодеянии Божьем и непрестанное благодарение — самое лучшее средство сохранить доброе расположение к себе. Вот почему и страшное и столь спасительное Таинство, совершаемое во время наших собра-

ний, называется *Евхаристией* (εὐχαριστία — благодарение) — потому что оно помогает помнить о дарах Божиих и через это побуждает нас к благодарности. Станем же благодарить Бога за благодеяния, оказанные не только нам, но и другим; таким образом мы в состоянии будем истребить зависть, и утвердить любовь, и сделать ее искренней. Ты уже не в состоянии будешь завидовать тем, за кого благодаришь Господа... И, как следствие, мы научаемся так любить ближних и дальних, чтобы и их блага считать нашими.

Потому и апостол Павел во всех посланиях своих благодарит Бога за блага всей вселенной. Так и мы станем непрестанно благодарить Его за свои, за чужие, за малые и за великие блага. Хотя бы дар был и мал, но он становится велик потому, что дарован Богом; или — лучше сказать — нет среди Его даров ни одного малого. Подумай о всех прочих благодеяниях Божиих, которые своим множеством превосходят песок, — что может сравниться с замыслом спасения нашего? За нас, врагов Своих, Бог предал Того, Который был для Него всего драгоценнее — Единородного Сына Своего; и не только предал, но после предания предложил еще

нам Его в пищу. Он всё Сам для нас сделал: и даровал нам Сына Своего, и сделал нас благодарными за то через Таинство Евхаристии. Так как человек бывает большей частью неблагодарен, то Бог всё относящееся к нам принимает на Себя и совершает. И как иудеям о Своих благодеяниях Он напоминал чрез места, времена и празднества, так точно сделал и здесь, посредством Жертвы внушая нам непрестанную память о Своих благодеяниях. Таким образом, никто так не старается сделать нас совершенными, как сотворивший нас Бог. Потому-то Он благодетельствует нам часто и против нашей воли, и еще чаще — без ведома нашего.

Если же это тебе кажется удивительным, то я покажу тебе, как это сбылось не над кем-либо неизвестным, но над апостолом Павлом. Этот блаженный муж, премного бедствуя и страдая, часто просил Бога удалить от него искушения, однако же Бог смотрел не на просьбы его, а на пользу, и, показывая это, говорил: *довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9). Господь, прежде чем открыл ему причину, благодетельствовал ему несмотря на то, что апостол этого не хотел и не

знал. Итак, велико ли Его требование, когда Он повелевает нам быть благодарными за такую Его о нас заботу? Будем же Ему покорны и всегда будем соблюдать это повеление.

Иудеев ничто так не губило, как их неблагодарность; и ничто другое, как эта именно неблагодарность, повергала их столь многим и частым казням; а что всего важнее, она же еще прежде этих казней растлила их душу, *ибо надежда неблагодарного растает, как зимний иней* (Прем. 16, 29). Неблагодарность так же делает душу нечувственной и мертвенной, как холод тело. Это происходит от гордости, которая внушает человеку считать себя достойным благодеяния. Смиренный же будет благодарить Бога не только за блага, но и за то, что считается неприятным; и что бы Он ни терпел, он не будет думать, что потерпел незаслуженно. Так и мы, чем более преуспеем в добродетели, тем более станем смирять самих себя, потому что и это составляет великую добродетель. Чем острее у нас зрение, тем лучше видим, как далеки мы от неба. Подобным образом, чем более преуспеваем в добродетели, тем больше познаём, как велико расстояние между Богом и нами.

А это немалая мудрость, когда мы можем сознавать, чего мы стоим. И лучше знает самого себя тот, кто считает себя за ничто. Вот почему и Давид, и Авраам, когда взошли на высшую степень добродетели, тогда особенно явили добродетель смирения: Авраам называл себя землею и пеплом (см. Быт. 18, 27), а Давид — червем (см. Пс. 21, 7). Подобно им и все святые считают себя ничтожными.

Напротив, кто увлекается гордостью и думает о своих достоинствах и заслугах, тот совсем не знает себя. Потому и у нас вошло в привычку говорить о гордых: не ведает себя, не знает себя. А не знающий себя кого будет знать? Как познавший самого себя познает всё, так не знающий себя не может узнать по сути и ничего другого. Таков был тот, который говорит: *выше звезд Божиих вознесу престол мой* (Ис. 14, 13). Не познав самого себя, он не знал и ничего другого. Но Павел не так рассуждал: он называл себя извергом и последним из людей, и после многих великих подвигов, совершенных им, не считал себя даже достойным именоваться апостолом. Ему-то и будем подражать. Подражать же ему мы сможем только тогда, когда освободимся от всего земного.

Действительно, ничто так не препятствует человеку познать себя, как привязанность к житейскому, и наоборот, ничто в такой мере не побуждает его прилепляться к житейским делам, как незнание самого себя. Это незнание и привязанность к мирскому зависят друг от друга. Как любящий внешнюю славу и ценящий мирские блага, сколько бы ни старался, не может познать себя самого, — так, напротив, презирающий земное легче познает самого себя. А познавший самого себя благодаря этому знанию будет преуспевать и во всех других добродетелях.

Итак, чтобы нам приобрести это благое знание, освободимся от всего временного, что так сильно пленяет нас, и, познав свою бедность, станем проявлять всевозможное смирение и любовь к мудрости, чтобы получить нам и настоящие и будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава и честь, со Святым и Благим Духом ныне и присно и во веки веков.

Содержание

ДУХОВНАЯ БИБЛИОТЕКА

О ПУТЯХ ПОКАЯНИЯ

по творениям
святителя Иоанна Златоуста

Составлено по изданиям:

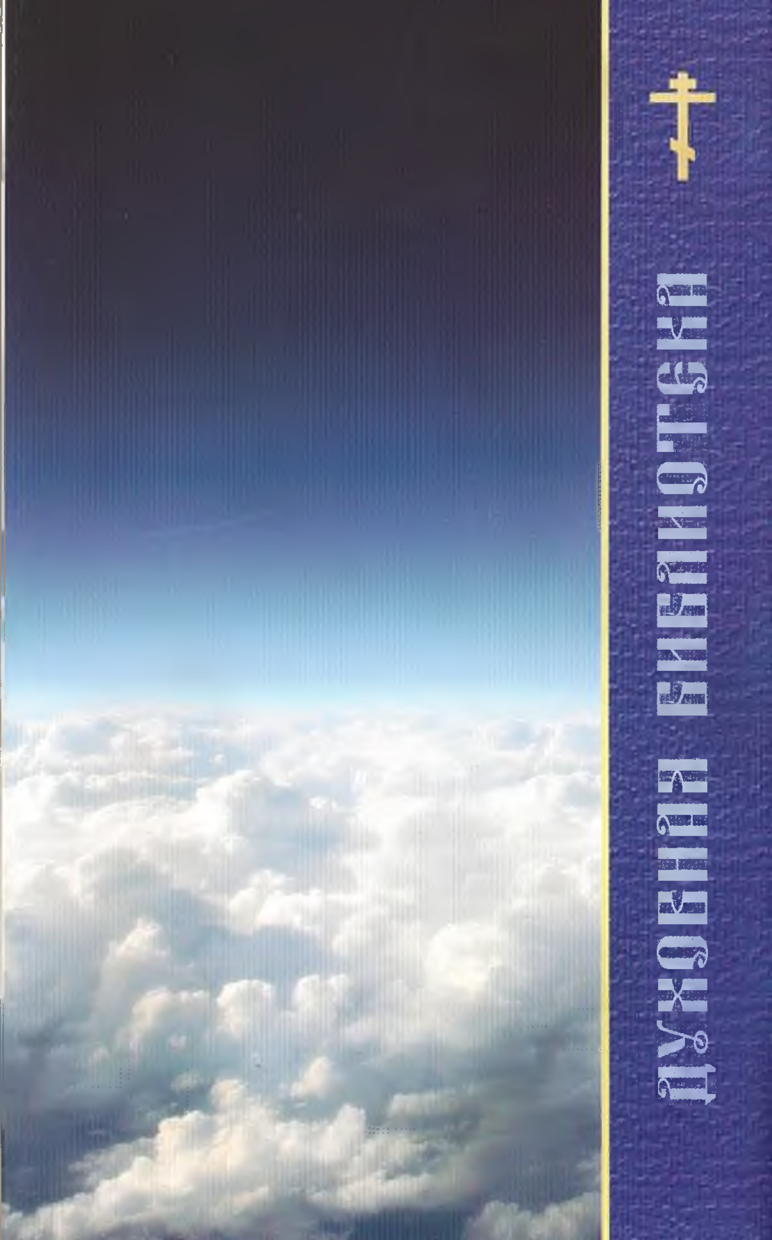
Иоанн Златоуст, свт. Избранные беседы.
М.: Православное братство святого
апостола Иоанна Богослова, 2000.
Иоанн Златоуст, свт. Избранные поучения.
М.: Православное братство святого
апостола Иоанна Богослова, 2002.

Составитель: Чунтонов Д. С.

Издательство: Православное братство
св. апостола Иоанна Богослова
129327, Москва, ул. Коминтерна, д. 20/2
E-mail: bratstvo-ioanna@mail.ru
Тел.: (495)730-57-17, (499)184-31-92

Подписано в печать 08.10.2010. Бумага офсетная.
Формат 70x90/32. Печать офсетная. Печ. л. 1,5.
Тираж 5000 экз. Заказ № 57

Отпечатано в Патриаршем издательско-полиграфическом
центре Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
141300, Московская область, г. Сергиев Посад,
Свято-Троицкая Сергиева Лавра

Духовный цветник